

УДК 930.253

Кумпан Екатерина Николаевна,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений

ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»

тел.: (861) 219-95-56, (960)48-68-325, e_kumpan@mail.ru

350040, г. Краснодар, ул. Трамвайная, 11, кв. 28.

Kumpan Ekaterina Nikolaevna,

PhD in historical science, assistant professor of the new, contemporary history and the international relations department, Kuban State University.

tel.: (861) 219-95-56.

Религиозные процессы на Северном Кавказе в контексте либеральных реформ начала XX века [1]

Аннотация: В статье проанализирована динамика изменений конфессионального пространства на Северном Кавказе. Выявлены общероссийские тенденции в религиозных процессах 1905–1914 г. и северокавказская специфика.

Ключевые слова: религиозные процессы, межконфессиональные отношения, Северный Кавказ, Российская империя.

Religious processes in the North Caucasus in the context of the liberal reforms of the early twentieth century

Summary: In the paper the dynamics of changes in confessional space in the North Caucasus was analyzed. Identified national trends in religious processes of 1905-1914, and the North Caucasus specifics.

Keywords: religious processes, interconfessional relations, the North Caucasus, Russian Empire.

В религиозной политике Российской империи либеральное реформирование законодательства началось с издания манифеста 26 февраля 1903 г. провозгласившим необходимость соблюдения властями веротерпимости[2]. 12 декабря 1904 г. вышел указ Правительствующему Сенату, включавший предписание подвергнуть пересмотру указания о правах неправославных[3]. 11 февраля

1905 г. императором было утверждено помилование высланных без суда за религиозные проступки[4]. 17 апреля 1905 г. был обнародован указ "Об укреплении начал веротерпимости". Данный документ предоставлял свободу вероисповедания всем конфессиям на территории России, признавал, что "отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию". Лица, числившиеся православными, но, в действительности, не исповедовавшие эту веру, подлежали, по желанию их, исключению из числа православных. Статья 5 дифференцировала вероучения, ранее объединенные под понятием "раскол": уголовному преследованию подлежали только последователи третьей группы – "изуверские течения"[5]. В статье 15 признавались требующими пересмотра законоположения, "касающиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания"[6].

14 марта 1906 г., после согласования свода законов с указом "О веротерпимости" были введены изменения уголовного законодательства[7]. 10 октября 1906 г. вышел указ, предоставивший возможность легализации религиозных общин и установлению контроля за ними: если действия общины противоречили закону, то она могла быть закрыта в соответствии с постановлением губернского или областного правления[8].

Либеральные уступки должны были частично нивелировать религиозную составляющую конфликтов и фактически являлись вынужденной постреакцией на проблемы, поэтому уже с 1910 г. вводятся ограничения прав отдельных религиозных групп[9]. Русская православная церковь (РПЦ) также приспособилась к условиям веротерпимости, постепенно оптимизируя миссионерскую деятельность.

В статье показаны количественные и качественные изменения религиозных процессов в период с 1905 г. по 1914 г. Выбор 1914 г. в качестве верхней границы исследования объясняется введением дополнительных мер в религиозной политике в начале Первой мировой войны. Сравнительный анализ динамики изменений в конфессиональной сфере в Российской империи и на Северном Кавказе позволяет выявить региональные особенности религиозных про-

цессов.

Под Северным Кавказом, в соответствии с административным делением периода, подразумеваются Кубанская, Терская области, Ставропольская губерния. На указанной территории в начале XX века находились Владикавказская епархия и Ставропольская епархии РПЦ. Централизованное управление мусульманами Северного Кавказа фактически отсутствовало: Оренбургское духовное собрание ограничивалось рассмотрением только частных дел, относящихся к Северному Кавказу; полномочия Закавказских магометанских духовных правлений на мусульман региона не распространялись.

Либеральное реформирование сразу же повлекло повышение конфессиональной мобильности населения империи. Переходы из православия происходили преимущественно в римско-католическое, магометанское и лютеранское исповедания. В отчете обер-прокурора Святейшего Синода за 1905–1907 гг. отмечено, что "отличительной чертой этих отпадений следует признать, прежде всего, значительность и массовый характер"[10].

По данным центрального управления Святейшего Синода, в период с апреля 1905 г. до декабря 1907 г. наибольшее число отпадений от православия совершалось в три вероисповедания: католицизм (максимум в Холмской епархии – 119278 чел.), ислам (максимум в Казанской епархии – 23860 чел.), лютеранство (больше всего в Рижской епархии – 8068 чел.). Приведенная ниже диаграмма показывает динамику присоединений к православию и переходов из него в период с 1900 г. по 1914 г.).

Рис. 1. Динамика религиозной мобильности в Российской империи[11] (по вертикали указано количество чел.)

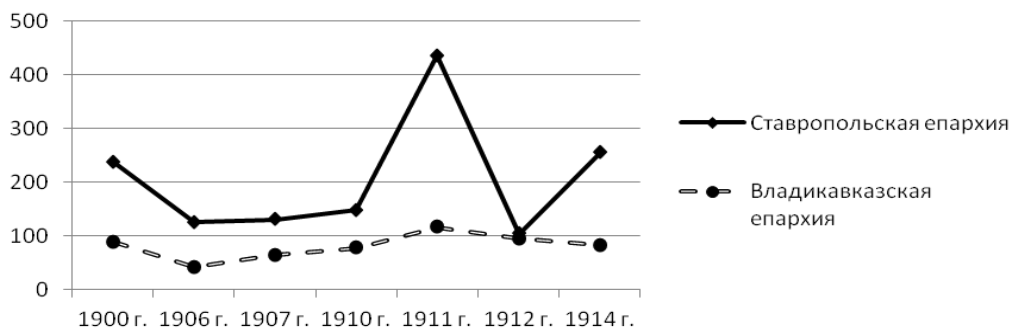

В 1907 г. в Российской империи из других конфессий в православие пе-

решили 11004 чел. Отметим, что цифра 11 тыс. оставалась стабильной на протяжении 3 лет, с 1905 года, в то время как до объявления указа "Об укреплении начал веротерпимости", ежегодное число присоединившихся было существенно больше (1893 г. – 19486 чел. [12], 1900 г. – 17004 чел.). На протяжении следующих лет, с 1907 до 1914 г. динамика присоединений положительная и в 1914 г. к православию присоединилось 18966 чел.

Количество отошедших от православия в отчетах обер-прокурора ежегодно фиксировалось только с 1907 г. На этот год приходится максимальное число отпадений от православия, 22032 чел. (в 2 раза превышает число присоединившихся к государственной церкви). К 1910 г. происходит снижение числа "отпадений" почти в 2 раза, до 11,6 тыс. чел. В течение двух следующих лет небольшое увеличение (до 13,4 тыс.), но в 1914 г. отошли от Русской православной церкви (РПЦ) 10638 чел. (на 44% меньше, чем присоединились в этом же году).

Рис. 2 Динамика перехода в православие из иных конфессий населения Северного Кавказа (по вертикали указано количество чел.)

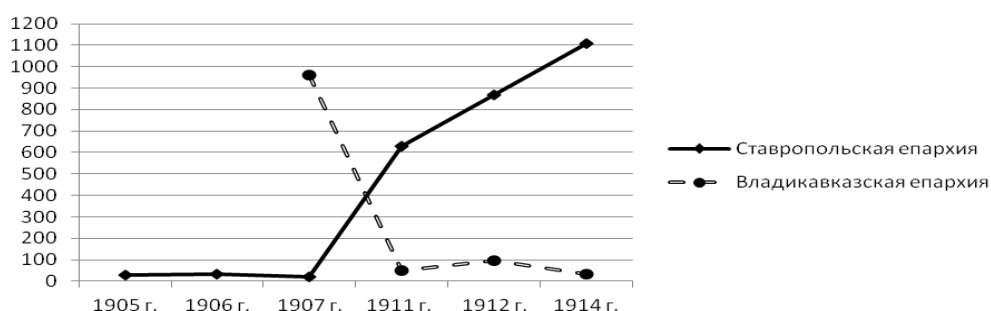

В пределах Северного Кавказа, с началом религиозной либерализации, ежегодно фиксируемое число перешедших в православие из других конфессий сократилось. Резкие колебания графика объясняются коллективным присоединением отдельных религиозных групп: в 1911 г. в православие в Ставропольской епархии перешло 355 старообрядцев-безпоповцев, в 1914 г. – 74 безпоповца, 123 чел. христововеров.

Во Владикавказской епархии динамика более стабильна. Наибольшее число присоединившихся к РПЦ зафиксировано в епархии 1911 г. – 116 чел. – эта цифра не "привязана" к конкретному вероисповеданию, и сформирована за

счет перехода в православие представителей различных конфессий[13].

Рис. 3 Динамика "отпадений" от православия в иные конфессии населения Северного Кавказа (по вертикали – количество чел.)

В диаграмме отображены данные по Ставропольской епархии с 1905 г., зафиксированные на основе синодальных отчетов и сведений, указанных епархиальным миссионером. В Ставропольской епархии с 1905 по 1907 г. массовых переходов не было. Больше всего – по 27 чел. – перешло в ламаизм (калмыки Ставропольской губернии) и в лютеранство (С. Никольский считал, что главной причиной этих переходов явилось законодательство о браках, имеющее в лютеранстве меньше ограничений, чем в православии[14]).

Статистика по Владикавказской епархии доступна автору только с 1907 г., но в отчете обер-прокурора (при анализе суммарных отпадений по епархиям с апреля 1905 по декабрь 1907 г.) Владикавказская епархия не упоминается: информация о ситуации в епархии помещена только в разделе "Положение православия в епархиях с магометанским населением", что косвенно свидетельствует, о том, что в двухлетний период массовых переходов из православия в другие конфессии, помимо ислама (1907 г. – 910 чел.), не было[15].

В течение 1907 – 1914 гг. на Северном Кавказе наибольшее количество переходов из православия произошло: в ислам, штундобаптизм, в два ответвления христововеров – Новый и Старый Израиль.

Переход в ислам осуществлялся прежде всего осетинами Владикавказской епархии: в отчете обер-прокурора Святейшего Синода за 1905-1907 г. сообщалось, что в Северной Осетии к 1905 г. две трети осетин, т.е. около 100 тыс. чел. принадлежали к РПЦ, но "лишь только провозглашена была полная веротерпимость", началась активизация ислама "менее чем за два с половиной года в ис-

лам перешло "два больших православных прихода горной Осетии, значительная часть православного населения в четырех приходах со смешанным населением, отдельные лица и целые семьи в чисто православных приходах". Стали заключаться смешанные браки, иногда без венчания в православной церкви и с переходом одного супруга в ислам[16].

Эти сведения подтверждает священник Владикавказской епархии Харлампий Цомаев: на Всероссийском Миссионерском съезде 1908 г. он отметил, что "1905 год является роковым годом для христианизации Осетии", а религиозная терпимость и свобода совести успешно используется противниками православия. При этом "на помощь местным агитаторам зачастую являются турецко-подданные, турки и осетины, проживающие, под разными предлогами, по году в осетинских селениях"[17].

Помимо переходов в ислам, мусульмане, руководствуясь ст. 15 указа "Об укреплении начал веротерпимости", требовали дальнейшего пересмотра религиозного законодательства и учреждения духовного правления для мусульман Северного Кавказа. По распоряжению И.И. Воронцова-Дашкова, 24 июня 1906 г. во Владикавказе состоялось совещание мусульманского духовенства Терской и Кубанской областей и светских лиц, выработавшее решение об учреждении в г. Владикавказе самостоятельного духовного правления для мусульман Северного Кавказа во главе с избираемым муфтием[18]. Данное положение не было реализовано. Все последующие проекты оптимизации управления духовными делами мусульман также не получили применения в Российской империи.

Переходы в баптизм, в христововерие и др. религиозные течения резко негативно воспринимались духовенством обеих Северо-Кавказских епархий. На съезде депутатов Ставропольской епархии (1–2 мая 1908 г.) епархиальный миссионер указывал, что проповедники баптизма и Нового Израиля открыто "разъезжают по некоторым местностям епархии, распространяя враждебные православию идеи и внося религиозный антагонизм". На страницах Ставропольских епархиальных ведомостей в 1908 г. также был опубликован доклад о Сальско-го. Священник отмечает: "Ни для кого не секрет, что баптистские журналы, час-

то наравне с православно-христианскими журналами, фигурируют в православных семьях... с изданием указа 17 апреля 1905 г.... пропаганда атеистических и сектантских идей удесятерила силы, надежды и домогательства всех враждебных для церкви элементов"[19].

Игумен Андрей (Мороз) в "Истории Владикавказской епархии", характеризуя рассматриваемый период, цитирует: "из всех сект, существующих во Владикавказской епархии, самой опасной для православных является, безусловно, баптизм" и указывает, что массовые переходы в баптизм в 1905-1911 гг. происходили в некоторых городах и станицах Терской области, "как, например, в Пятигорске, Моздоке, Грозном"[20].

Одной из наиболее значительной по численности на Северном Кавказе была секта христововеров, в рамках которой существовали группы "Старый Израиль" (до октября 1906 г. ей руководил А. Щетинин, центр распространения учения – Ставропольская епархия) и движение "Новый Израиль" возглавляемое В.С. Лубковым[21].

Несмотря на то, что последователи "Нового Израиля", причисленные к зарегистрированным общинам с 1905 г. могли исповедовать свое учение легально, напряженность их отношений со светской администрацией, епархиальными властями и местным населением усиливалась. В.Д. Бонч-Бруевич в собранных им материалах приводит сведения о серьезных конфликтах между православными и Новоизраильтянами (3 апреля 1906 г. в хуторе Новопашковском, 24 октября 1909 г. в станице Камышеватской[22]). С 1910 г. проводились административные проверки деятельности общины: было выявлено, что последователи "Нового Израиля" практикуют расторжение прежних браков и вступление в новые, не регистрируя их в метрических книгах. Результаты расследования были направлены в судебные учреждения и в октябре 1910 г. наместник Кавказа издал циркуляр "О деятельности последователей секты "Новый Израиль", на основании которого в течение 1910 – 1911 г. был закрыт ряд общин в Кубанской, Терской области, Ставропольской губернии[23]. В результате, в 1911 г. В. Лубков, ранее пытавшийся организовать поселения адептов в Закавказье, вы-

ехал с группой своих последователей в Южную Америку (в Уругвай) и после отъезда лидера число переходов в конфессию сокращается. В течение 1912–1914 г. на Северном Кавказе более половины переходов совершалось в шунтобаптизм, растущие общины регистрировались под названиями баптисты и евангельские христиане.

Проанализировав динамику религиозных процессов, можно сделать следующие выводы:

1) в Российской империи количество присоединений к РПЦ, снизившееся с началом либеральных религиозных реформ, с 1907 г. постепенно возрастает и к 1914 г. возвращается к дореформенным значениям. Подобная тенденция проявилась и на Северном Кавказе.

2) Выход из государственной конфессии не был одномоментным – последователи религиозных сект не торопились заявлять о своем официальном отпадении от православия, во избежание карательных мер в случае очередного изменения курса конфессиональной политики.

3) С 1905 по 1907 г. в России и в двух изучаемых кавказских епархиях происходят массовые отпадения от православия. Фактически из РПЦ сразу же вышли те, кто в реальности к ней не принадлежал. Во Владикавказской епархии цифра выше за счет перехода в ислам сравнительно недавно крещенных осетин. В Ставропольской епархии вернулись в прежнее вероисповедание калмыки. Отсутствие других отпадений от РПЦ крупных религиозных групп в этот период показывает, что крещения в епархии преимущественно совершались не из соображений материальной выгоды и без принуждений.

4) С 1907 по 1914 г. динамика отпадений от православия во Владикавказской епархии соответствует общероссийской. В Ставропольской епархии, наоборот, количество переходов из РПЦ в другие конфессии продолжает расти. Эту особенность можно объяснить тем, что большинство отпавших от православия в епархии – сектанты – начали официально заявлять о своей реальной конфессиональной принадлежности, чтобы воспользоваться правом создания и регистрации религиозных общин.

5) С большой степенью вероятности можно говорить о том, что не все неправославные воспользовались правом выйти из РПЦ: во-первых сохранялось уголовное преследование для представителей третьей группы религиозных сект (изуверские течения), т.е. принадлежность к ним декларировать не имело смысла; во-вторых можно было перейти в другую конфессию, но не отказаться от религии – каждый человек был обязан принадлежать к какой-либо конфессии, регистрация рождений, браков оставалась в ведении религиозных структур.

б) Ограничительные меры, вводимые с 1910 г., постепенная адаптация миссионерской деятельности РПЦ к новым вероисповедным условиям способствовали сокращению отпадений из государственной конфессии и в масштабах Российской империи и во Владикавказской епархии. В Ставропольской губернии число переходов продолжает нарастать, что можно объяснить сочетанием ряда факторов: специфика религиозных общин в епархии (особенности учения, "отклик" на социальные потребности населения, харизматичность лидеров, активность проповедников и рядовых членов общины, стремление к легализации), миграционные процессы (жители внутренних губерний России нанимались на временную работу в Ставропольскую губернию и в Кубанскую область – часть из них положительно воспринимала новые учения и оказывала содействия общинам[24]), экономические аспекты (бюджет общины, наличие спонсирующих структур за рубежом, материальный уровень адептов).

Либеральные реформы в сфере религии повлекли значительные изменения и на уровне империи, и на территории Северного Кавказа, которые государство вскоре попыталось нивелировать. Объявленная веротерпимость не оправдала ожиданий неправославного населения и стремление к религиозному самоопределению оставалось частью борьбы за политические свободы. Социал-демократы успешно использовали либеральные и протестные религиозные настроения в предреволюционной риторике и политической практике советского периода.

Примечания:

1. Научное исследование проведено при финансовой поддержке государства в

лице Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.В37.21.0966).

2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3-е. Т. 23. 1903 г. Отделение 1. Ст. 22581. "О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка".

3. ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 24. 1904г. Ст. 25495. Отделение 1. "О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка".

4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 318. Оп. 6.Д. 3. Л. 9.

5. Согласно статистическим сведениям Департамента духовных дел в 1911 г. 600 скопцов было привлеченных к суду в 9 губерниях (Энгельштейн Л. Скопцы и царство небесное. М., 2002. С. 119)

6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 150. Д. 8. Л. 17–19. Автор здесь и далее использует терминологию периода (магометане, штундобаптизм, сектанты, отпадения и т.п.)

7. ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 26. 1906 г. Отделение 1. Ст. 27560.

8. ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 26. 1906 г. Отделение 1. Ст. 28424. "О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов"; ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 3. Л. 10.

9. ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 3. Л. 12–13.

10. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910. С. 29.

11. Всеподданнейший отчет обер-прокурора... за 1900 г. СПб., 1903. Приложение 17. С. 50; Всеподданнейший отчет обер-прокурора... за 1905–1907 гг. СПб., 1910. Приложения 21 –24. С. 66–73. Всеподданнейший отчет обер-прокурора... за 1910 гг. СПб., 1913. Приложение 16–17. С. 46–53; Всеподдан-

- нейший отчет обер-прокурора... за 1911–1912. СПб., 1913. Приложения 29–31. С. 60–71. Всеподданнейший отчет обер-прокурора... за 1914 г. Пг., 1916. Приложения 15–16. С. 35–41.
12. Всеподданнейший отчет обер-прокурора... за 1892 и 1893 годы. СПб., 1895. Приложение 13. С. 46–47.
13. 18 чел. старообрядцев-поповцев, 2 безпоповца, 3 штундобаптиста, 6 молокан, 4 хлыста, 9 представителей группы Новый Израиль, 13 мусульман, 9 иудеев, 2 реформиста, 10 лютеран, 12 католиков.
14. Никольский С. Характер современного вероотступничества в Ставропольской епархии // Ставропольские епархиальные ведомости (СЕВ). 1907. № 23. С. 1293, 1300–1301.
15. Всеподданнейший отчет обер-прокурора... за 1905–1907 гг. СПб., 1910. С. 29–33; там же. Приложение 24. С. 72–73.
16. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910. С. 151.
17. Горобец А.А. Владикавказско-Моздокская епархия Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX вв. // Бюллетень Владикавказского института управления. Владикавказ, 2009. № 28. С. 87-111. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-230688.html> (дата обращения 23.07.2012).
18. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 633. Л. 23–25.
19. Журнал № 22 // СЕВ. 1908. № 30. С. 33–34; Журнал № 88 // СЕВ. 1908. № 44. С. 285–286.
20. Игумен Андрей (Мороз). История Владикавказской епархии. Элиста, 2006. URL: <http://www.ive1875.narod.ru/texts/skriptcand/g6.htm> (дата обращения: 10.08.2013).
21. Никольский С. "Новый Израиль", новая фракция хлыстовства // СЕВ. 1904. № 14. С. 822.
22. Происшествие в хуторе Новопашковском, Кубанской области, Ейского отдела. Апреля 3-го дня 1906 года. то есть, на третий день Св. Пасхи // Материалы к изучению русского сектантства и старообрядчества / Под ред. В.Д. Бонч-

Бруевича. Вып. 4. СПб., 1912. С. 406–413; там же. Восстание против израильтян в станице Камышеватской, Ейского отдела, Кубанской области, 1909 года, 24-го октября. С. 415–417.

23. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). С. 76; Государственный архив Ставропольского края. Ф. 439. Д. 83. Л. 2, 7.

24. Сидорин А.И. Манифест от 17 апреля 1905 г. и его последствия для конфессиональной политики в Курской губернии до 1917 г. URL: http://www.курская-епархия.рф/znamenskie_chteniay/2010/pdf/4/4_9.pdf. Исследователь сообщает о появлении в Курской губернии адептов "Нового Израиля" вернувшихся с "отхожих промыслов" из Ставропольской губернии.